

*М.В. Губина**

ОБРАЗЫ ПРОТИВНИКОВ В ВОСПРИЯТИИ ПОКОРИТЕЛЕЙ ЕВРОПЫ (1805–1812)

Погода была ясная и мягкая, слышно было, как пели соловьи, и пейзажные виды вызвали желание попасть скорее на деревенский праздник, чем участвовать в смертельных сражениях.

Ф. Пильс «Походный дневник гренадера»¹.

Девять месяцев назад я купался в водах Немана; [а] сегодня я ринулся в воды Тахо.

М. Ташер «Заметки о кампаниях (1806–1813)»².

Изучение роли наполеоновской эпохи в развитии взаимных представлений европейских наций и, в частности, в эволюции французских представлений о Другом, все более привлекает внимание историков. В ходе Наполеоновских войн сотни тысяч французов побывали в других странах и столкнулись с армиями противников на полях сражений, а также соприкоснулись с мирным населением завоеванных территорий. «Вырванный военным призывом из узкого мирка родной деревни, крестьянский сын смотрел на проходившие перед его взором монотонные равнины Германии, обоженные горы Испании, ледяные степи России; он знакомился с Веной, Берлином и Москвой, Венецией и Мадридом. Ни один путешественник XVIII века не прошел по стольким европейским дорогам, сколько их одолел капитан Куане»³.

Эта статья посвящена сравнительному анализу многогранного образа противника, сформировавшегося в сознании наполеоновских солдат и офицеров, чья способность к восприятию особенностей более или менее незнакомых территорий уже доказана⁴. Выбор хронологических рамок

* *Майя Владимировна Губина, доктор истории, сотрудник Межуниверситетской библиотеки Сорбонна (Париж), преподаватель университета Париж XII (Paris-Est Creteil).*

¹ *Pils F. Journal de marche du grenadier Pils (1804–1814). P., 1895. P. 42.*

² *Tascher M. de. Notes de campagnes (1806–1813). Châteauroux, 1932. P. 88.*

³ *Tulard J. Préface // Tulard J. Nouvelle bibliographie critique des mémoires sur l'époque napoléonienne écrits ou traduits en français. Genève, 1991. P. 7. Капитан Куане (Jean-Roch Coignet, 1776–1865 ?), чье имя стало почти нарицательным, является одним из самых известных участников и мемуаристов наполеоновских походов (Les cahiers du capitaine Coignet).*

⁴ См. труды наших российских (В.Н. Земцов, Н.В. Промыслов) и французских (М.-П. Рей, Н. Петито) коллег. Этой тематике посвящены также многие наши статьи и наша диссертация на соискание научной степени доктора исторических наук Сорбонны, защищенная в 2007 г.

исследования объясняется двумя причинами. С одной стороны, речь идет о внутривнутриполитической цельности отрезка 1805–1812 гг., который приходится на период существования одного режима – Империи. С другой – это период наивысшего военно-политического могущества наполеоновской Франции, даже если война в Испании и являлась ее слабым местом. Действительно, именно поражение в Русской кампании повлечет за собой потерю Наполеоном всех его завоеваний и крах Империи. За указанный же период Наполеон провел войну против Третьей коалиции (1805), Прусскую кампанию (1806), Первую Польскую (1806–1807) и Испанскую войны (1807–1814), Австрийскую (1809), Португальскую (1807–1808) и Русскую кампании (1812).

Наше исследование основано на анализе документов личного происхождения. Однако в целях получения наиболее достоверного результата источниковая база была ограничена по трем критериям. Во-первых, мы проанализировали тексты только строго современные описываемым событиям (переписку и военные дневники⁵), исключив все мемуары, созданные позже, даже если они и были написаны на основе ежедневных записей всего год или два спустя после описываемых событий. Представляется очевидным, что восприятие французами одних и тех же событий до и после краха наполеоновского режима могло сильно различаться. Во-вторых, мы изучили записки только французов, не беря в расчет тексты, созданные другими участниками наполеоновских походов. В-третьих, мы намеренно не анализировали в рамках данного исследования записки военнопленных, чей статус и более продолжительное пребывание на территории противника может, на наш взгляд, помешать нашему поиску и анализу непосредственных впечатлений французов от встречи с Другим.

Наконец, напомним также об обстоятельствах, которые обуславливали настрой французских военных и их восприятие Другого. Во-первых, этим обстоятельством была, конечно же, их позиция в армейской иерархии. Во-вторых, необходимо учесть специфику их воинских обязанностей. Очевидно, что отношение к действительности (и соответственно ее восприятие) будут разными у обычного солдата, у военного врача или у адъютанта Генерального штаба и т.д. В-третьих, обстоятельства чисто военного толка (периоды осады или наступления), а также положение

⁵ С этой точки зрения, данное исследование существенно отличается от статьи Н. Петито. Ограничение источниковедческой базы строго современными описываемым событиям текстами позволяет внести некоторые уточнения в картину, воспроизведенную французской исследовательницей. Кроме того, мы активнее и шире используем документы, отражающие войну 1812 года. См.: *Petiteau N. Les voyages des hommes de la Grande Armée : de la vie militaire aux pratiques de la mobilité géographique // Voyager en Europe de Humboldt à Stendhal. Contraintes nationales et tentations cosmopolites. 1790–1840 / Sous la dir. de Bourguinat N., Venayre S. P., 2007.*

полков, к которым относились авторы анализируемых записок (активное участие в том или ином сражении или ожидание на задних линиях резерва и т.д.), играли выжную роль в формировании настроений авторов записок. Наконец, обстоятельства личного характера (прежде всего состояние здоровья, вести от родных и т.п.) также бесспорно влияли на складывание у французских военных того или иного восприятия событий и наблюдаемых реалий.

«Механика» знакомства с Другим

Знакомство с Другим, особенно в специфических условиях военных действий, требует от современников не только наличия определенных способностей, но и вполне конкретных личных качеств. Любопытно, что, ослепленное своим желанием поддерживать «динамику» завоеваний, императорское правительство косвенно способствовало все более широкому знакомству своих подданных с культурой других народов. Одним из ярких подтверждений этому является публикация словарей языков тех стран, на территории которых велись эти войны. В фондах Национальной библиотеки Франции хранится множество таких изданий, а наши источники содержат конкретные примеры использования французскими военными словарей и разговорников: «У меня в кармане всегда был разговорник испанского языка, благодаря которому мне удалось объясняться»⁶.

Многие военные признают и осознают важность владения иностранными языками. И если герцог Сен-Симон подчеркивает особый смысл, который приобретают лингвистические дарования в военных условиях, когда владение языком местных жителей позволяет, как ему пришлось испытать это на собственном примере⁷, избежать худшего варианта развития событий, то некоторые из его братьев по оружию ведут себя почти как просто любопытные путешественники. Так, вступление на территорию каждой новой страны отмечено в дневнике Шодерло де Лакло списком самой употребляемой лексики с переводом на местный язык, а на страницах, посвященных пребыванию автора на польских территориях, мы находим даже целые выражения и короткие фразы на французском и польском⁸. Морис де Ташер пользуется мирными затишьями во время Прусской кампании 1806 г., чтобы... выучить немецкий язык. «Я тут

⁶ *Pereuse*. Campagne de Portugal (1810–1811) // *Revue rétrospective*. 1889. Vol. 10. P. 2.

⁷ *Saint-Simon H.-J.-V. de*. *Carnet de campagne du duc de Saint-Simon* // *Carnet Historique et Littéraire*. 1899. Vol. 4. P. 244, 246; *Campagne d'Espagne de 1808–1809* // *Ibid*. 1899. Vol. 4. P. 439–441.

⁸ См.: *Choderlos de Laclos E. F.* *Le fils de Laclos*. *Carnets de marche du commandant Choderlos de Laclos*, an XIV-1814. Lausanne, P., 1912. P. 71–73. Автор этого дневника был сыном писателя, написавшего роман «Опасные связи». Заметим, что Шодерло старается орфографически точно воспроизвести польскую лексику.

живу спокойно [...] благодаря рыбалке и изучению немецкого языка время проходит незаметно»⁹. Спустя два года, во время испанской кампании, тот же Ташер будет сожалеть о своей неспособности задать вопросы по-испански во время своего пребывания в Бургосе¹⁰. Наконец Ж. Брэо де Марло попытается своеобразным образом воспользоваться двойной удачей, выпавшей на его долю во время войны 1812 года: ему посчастливилось попасть на постой в дом, чьи хозяева не только не сбежали, но и к тому же владели французским языком: «Я квартировал в доме, чьи обитатели были французского происхождения [...] Я умолял этих дам [...] рассказать мне немного о русских обычаях»¹¹. Наконец, очень многие военные объясняют в своих записках значение географических названий «посещаемых местностей».

Документы личного происхождения содержат следы комплекса превосходства, который был свойственен солдатам и офицерам наполеоновских армий. Так, по мнению, уже упоминавшегося Шодерло де Лакло венские кафе отстают по своему шику и эlegantности «от парижских по меньшей мере на век»¹². Однако это обстоятельство вовсе не означает отсутствия у французских военных не только желания и способности к наблюдениям, о чем в первую очередь свидетельствует насыщенность их текстов информацией, но и способности к объективным суждениям. Тот же Шодерло де Лакло констатирует, что деревенские жители окрестностей Тильзита одинаково пострадали от постоа как русской, так и французской армий¹³.

Наконец, некоторые авторы выражают свое сожаление по поводу того, что обязанности службы не позволяли им задержаться в том или ином месте, чтобы лучше осмотреть местные достопримечательности. Некоторые даже специально упоминают это обстоятельство, чтобы объяснить особую краткость своих записей. «Проехать через маленький красивый городок Ипс [...] и не осмотреть его было для меня немного жестоко, но пришлось подчиниться обстоятельствам»¹⁴. Таким образом, многие из служивших в наполеоновских армиях не только осознают свою роль посредников в диалоге между культурами, которую они могут играть по отношению к соотечественникам — адресатам их писем или

⁹ *Tascher M. de*. Op. cit. P. 23–24. Об изучении им немецкого языка см. также: *Ibid*. P. 38.

¹⁰ См.: *Ibid*. P. 75.

¹¹ *Bréaut des Marlots J.* Lettre d'un capitaine de cuirassiers sur la campagne de Russie // Bréaut J. Lettre d'un capitaine de cuirassiers sur la campagne de Russie ; Denniée P.-P. Itinéraire de l'empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. P., 1997. P. 8.

¹² См.: *Choderlos de Laclos E. F.* Op. cit. P. 38.

¹³ См.: *Ibid*. P. 121.

¹⁴ *Duriau F.* Carnet de route // Mémoires de la Société dunkerquoise pour l'encouragement des sciences, des lettres et des arts. Dunkerque, 1907. Vol. 46. P. 42.

читателей военных дневников, но и отдают себе отчет в своей «обязанности» рассказывать об увиденном, которую эта роль на них возлагает. «Мне нет необходимости описывать эту столицу [Вену], которая и так достаточно известна»¹⁵.

Страны и территории

а) География: погода и климат, пейзажи и дороги

Упоминания о климате, погоде и дорогах исключительно часто встречаются в записках французских военных — идет ли в них речь о наступлениях или о периодах затишья, о стоянии на бивуаках или пребывании на постое в городах. Даже если изначальный интерес военных к этим реалиям носит практический (стратегический и тактический) характер, регулярность и частота заметок на эти сюжеты позволяют считать их дополнительным доказательством как культурологического аспекта Наполеоновских войн, так и способности наполеоновских военных к знакомству с Другим¹⁶. Участники Русской кампании, например, рассказывают об особенностях северного климата и, в частности, о неизвестных во Франции «белых» ночах: «Ночи почти нет, наступают просто сумерки в течение около двух часов»¹⁷. Кроме того, документы личного происхождения французских участников войны 1812 года показывают, что играла важную роль в разворачивании военных событий и оказала существенное влияние на состояние духа солдат Великой армии погода с самого начала кампании, а ноябрьские морозы стали всего лишь апогеем, но не единственным проявлением значимости этого фактора.

Описания пейзажей Центральной Европы, Испании и Португалии выполнены в характерном для эпохи романтического стиле: образы «горных ущелий», «широких равнин» и «удачно расположенных» деревень наполняют записки военных. Последние совершают даже вылазки за пределы бивуака, желая познакомиться с еще не осмотренными ими природными видами. Так, Шодерло и Дюрьо совершают, каждый со своими товарищами, прогулку на балтийское побережье¹⁸. Заметки о

¹⁵ Choderlos de Laclos E. F. Op. cit. P. 37.

¹⁶ Мы не согласны с М.-С. Торалем, который определил этот жанр просто как «хронику бивуачной жизни», противопоставляя его путевым запискам собственно путешественников, содержащим якобы более полную информацию (какая погода стояла в стране, через которую проезжали, какой тип климата там преобладает). Однако, на самом деле, многие ли путешественники той эпохи упоминали не только о погоде, в которую им посчастливилось или не посчастливилось ехать, но и приводили более полные сведения о пересекаемых ими странах? См.: Thorat M.-C. Sur les routes avec les hommes de Wellington : le «voyage» des militaires anglais en France en 1813—1814 // *Voyager en Europe de Humboldt à Stendhal*. P. 289.

¹⁷ Ledru des Essarts F. R. Un grand patriote sarthois méconnu : la vie de ce soldat courageux qui n'aimait que la paix. Le Mans, 1988. P. 82.

¹⁸ Choderlos de Laclos E. F. Op. cit. P. 137 ; Duriau F. Op. cit. P. 49.

флоре, фауне и о особенностях сельского хозяйства (качество земель и выращиваемые культуры) территорий, по которым проходили французские военные, дополняют пейзажные зарисовки. «Окрестности города со множеством виноградников и небольших садов – прелестны»¹⁹.

Монотонность русских пейзажей, усугублявшаяся постоянными пожарами, устраиваемыми самими русскими, удручала участников Русского похода Великой армии. Тем более примечательно, что французы способны были восхищаться видами русских дорог. Посвященный этой теме текст Ж. Брэо особенно красноречив. Примечательно, что подробное описание им вполне мирного пейзажа следует сразу после жутких картин Бородинского сражения. «Дорога, которая ведет к Москве, является настоящим шедевром искусства. На ней могут уместиться до десяти повозок одновременно. С каждой стороны ее обрамляют по два ряда очень высоких деревьев, между которыми есть тропинки для пешеходов. Эти деревья очень похожи на плакучие ивы; летом их приветливая тень защищает от сильной жары, а зимой, когда снег заполняет часто встречающиеся овраги и когда небо не отличишь от поверхности земли, они указывают дорогу»²⁰. В ходе кампании 1812 г. французским военным пришлось на собственном опыте убедиться в справедливости общеизвестного стереотипа о безграничности русских просторов.

б) Города

Успешность военной кампании или трудности, встречавшиеся на пути завоевателей, по-разному отражены в источниках. Указания на присутствие или на отсутствие местных жителей являются одним из косвенных свидетельств о меньшей или большей тяжести кампании. Действительно, привычка приводить подобную информацию складывается у участников именно португальского и русского походов, а также испанской войны, но не у тех их коллег по оружию, кому в Пруссии или в Австрии не приходилось наткнуться на обезлюдившие селения. Однако авторы всех проанализированных текстов с одинаковым «старанием» отмечают все этапы следования по чужим территориям, не забывая давать им каждый раз хотя бы самую краткую характеристику («красивый городок», «неприятная деревня»), не говоря уже о подробных описаниях крупных и известных населенных пунктов.

Заметим, что та дотошность, с которой солдаты наполеоновских армий составляли эти описания, проявляется даже в записках о Москве, большая часть которой утонула в пламени сразу после вступления французов в город. Картина пугающего великолепия гигантского пожара,

¹⁹ *Duriau F.* Op. cit. P. 59.

²⁰ *Bréaut des Marlots J.* Op. cit. P. 6.

охватившего старинную русскую столицу, стала для французов прежде всего неоспоримым доказательством глубочайшей разницы между их собственным менталитетом и менталитетом русских. «Это самый величественный и самый ужасный спектакль, который я видел и который мне придется когда-либо еще увидеть за свою жизнь [...] Русские — настоящие варвары»²¹. Примечательно, однако, что французы пытаются при этом описать Москву как таковую или, скорее, восстановить ее образ по тому, что от нее осталось. «Москва была крупным и красивым городом. Ее архитектура не была столь единообразной, какой она является в Париже, но зато этот город был крупнее Парижа и там было по меньшей мере на пятьсот дворцов больше, чем в Париже, а также крупнейшие склады»²².

Если у свидетелей пожаров и разграбления Москвы и Смоленска, у очевидцев тех жестокостей, которыми взаимно обменивались испанские партизаны и французские войска, хватало желания, присутствия духа и способностей создавать красочные и довольно точные описания достопримечательностей русских и испанских городов, то это тем более удавалось тем их товарищам по оружию, которые «посетили» Вену и Берлин, рассказу о которых посвятили многие страницы своих записок. Французские военные давали оценки городской инфраструктуре и архитектурным стилям. Так отмечалось, что город Данциг «выстроен по вполне немецкой методе»²³. Театры и музеи, места публичных гуляний и крепостные сооружения были не только более или менее подробно описаны, но и проанализированы по многим критериям: современность и комфорт, эстетические достоинства и география местоположения, материальный уровень и исторические сведения. Так, рассказывая о крепостных сооружениях баварского городка Вюрцбург, Ф. Дюрьо признается: «Если бы я посмел, я бы сказал, что этот город нельзя завоевать (несмотря на то, что такое выражение исключено из французского словаря)»²⁴. Подчеркнем объективность мнения военного наполеоновской армии... Наконец, французы посещают и описывают исторические памятники своих противников, например, усыпальницу австрийской императрицы Марии-Терезы в Вене²⁵ или «Фридриха Великого на его бронзовом коне» в Берлине²⁶. Таким образом, культурологический аспект зарубежных по-

²¹ [Lettre de] Baurvott [...] à sa femme, à Rostock, Moscou, le 29 septembre 1812 // Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Ed. par Goriaïnow S. E. M. [et al.]. P., 1913. P. 58.

²² *Bréaut des Marlots J.* Op. cit. P. 8.

²³ *Choderlos de Laclous E.F.* Op. cit. P. 135–136.

²⁴ *Duriau F.* Op. cit. P. 45.

²⁵ См.: *Choderlos de Laclous E. F.* Op. cit. P. 46–47. Шодерло де Лакло сравнивает этот памятник с пыльным надгробием над могилой Морица Саксонского, которое он осматривал в Страсбурге.

²⁶ *Lejeune C.-H.* Route faite par moi, Lejeune, à compter du 15 novembre 1805 / Souvenirs du Cavalier C.-H. Lejeune du 11e régiment de chasseurs à cheval (1805–1810) // *Carnet de la Sabretache.* 1910. P. 518.

ходов наполеоновских войск лучше всего прослеживается на материале записок, посвященных городам.

в) Нравы, обычаи и национальный характер местных жителей

Очевидно, что французы могли «знакомиться» с нравами и обычаями местных жителей, главным образом, во время своих постоев в городах и селениях. Французы описывают ужины и вечера (с играми и танцами), устраивавшиеся хозяевами их квартир. Страницы дневника Ж. Дюма, посвященные пребыванию автора в Вене зимой 1805/6 г. после Аустерлицкого сражения, содержат особенно много сведений на эту тему. «Вена, 6 января (Богоявление).— Праздничный ужин у наших хозяев. Мы выбрали пирожного короля²⁷. Шесть барышень Фунткиршен, а также другие дамы были в числе приглашенных; вечер прошел прелестно»²⁸. Случаи амурных историй (многие из которых не заканчивались с окончанием постоя) особенно ярко иллюстрируют процесс частичной «социальной интеграции» завоевателей в обществах покоренных стран. Подобные условия «цивилизованных» кампаний позволяют французам подмечать и анализировать черты национальных характеров жителей Австрии и немецких земель. Одни настаивают на «холодном, даже сумрачном характере»²⁹ немцев, другие признают некоторую приятность немецких манер³⁰, но предупреждают об их неискренности. Французские военные проводят сравнения между местными обычаями разных стран. «В Вене очевидно приятнее, чем в Берлине. В столице северной Германии слишком много курят трубки и пьют слишком много пива»³¹. Дюрю так описывает традиционное времяпрепровождение жителей Берлина и его окрестностей: «Пока женщины пьют чай и вяжут, мужчины курят трубки, пьют кофе и пиво и всю разглагольствуют о политике»³². Наконец, М. де Ташер особенно интересуется темой национальных костюмов и в его дневнике содержится большое количество более или менее подробных описаний на эту тему, включающих также отдельные заметки антропологического характера. Так, описывая свое пребывание в Пруссии,

²⁷ Выборы пирожного короля или короля пирога — один из атрибутов празднования Богоявления, которое в католической традиции связывается с поклонением младенцу Иисусу трех волхвов (трех царей). Ранее праздновалось 6 января (теперь — во второе воскресенье после Рождества). Для праздника готовится специальный пирог, в который запекается какой-то очень маленький предмет. Тот из гостей, кто находит его в своем куске, назначается «королем» вечера.

²⁸ *Dumas J.* Journal historique de la division des grenadiers d'Oudinot // *Carnet de Sabretache.* 1910. P. 557.

²⁹ *Vial J.-L.-A.* Journal d'un mois de campagne à la Grande Armée // *Carnet de Sabretache.* 1901 P. 454.

³⁰ *Giraud J.-B.* Le carnet de campagne du commandant Giraud. P., 1898. P. 160–161.

³¹ Lettre du capitaine Marion, beau-frère de J.-B. Giraud, Berlin, le 25 octobre 1806 // *Giraud J.-B.* Op. cit. P. 125.

³² *Duriau F.* Op. cit. P. 52.

он задерживается на сравнительном описании традиционных костюмов женщин католического и протестантского вероисповедания³³.

Условия испанской кампании и, тем более, отношения с местным испанским населением складывались, конечно, не в пример сложнее. Однако и в Испании французы делали некоторые наблюдения этнографо-антропологического характера. «У кастильцев великолепный вид»³⁴. А де Сен-Симону удалось воспользоваться затишьем в Мадриде, чтобы четырежды (!) посетить там Итальянский театр³⁵.

Необычная для французов ситуация сложилась в 1812 г. в России. Русские войска отступали, уничтожая запасы и ресурсы страны, а гражданское население покидало селения, уходя вслед за армией. Подобная «изоляционистская» политика русских свела практически к нулю возможности контакта с местным населением. Военные Великой армии регулярно упоминают об отсутствии у Русской кампании «салонного» характера. «После польских почтовых хозяек мы не встретили ни одной женщины, но зато мы теперь большие специалисты по пожарам»³⁶. Таким образом, в 1812 г. французам пришлось познакомиться с такими глубинными чертами русского национального характера, как упорство (если не упрямство) и жертвенность, и осознать глубокое различие между их собственным менталитетом и системой ценностей русских. Французам приходится признать, что русским удалось превратить эту войну в столкновение «не просто империй, но разных культур, разных базовых ценностей»³⁷. Заметим также, что упорное сопротивление русских и ставшее все более непредсказуемым развитие войны поставили под вопрос комплекс превосходства, афишировавшийся военными Великой армии в начале кампании.

г) Материальная культура

Во время «нецивилизованных» кампаний (Русская кампания 1812 года, Испанская и Португальская кампании, а также Первая Польская война 1807 года), когда местные жители покидали селения перед приходом французов, заметки касались в большей мере материальной культуры противника. Удивительно, что Жиро использует образ материальной культуры Другого для того, чтобы лучше объяснить хорошо известную ему реальность. Так, описывая свой отпуск в Париже,

³³ См.: *Tascher M. de*. Op. cit. P. 14–15.

³⁴ *Giraud J.-B.* Op. cit. P. 256.

³⁵ См.: *Saint-Simon H.-J.-V. de*. Op. cit. P. 249–250.

³⁶ [Lettre de] H. Beyle à la comtesse Daru, Moscou, le 16 octobre [1812] // *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812*. P. 160.

³⁷ См.: *Земцов В. Н.* Наполеон в Москве // ФЕ 2006. М., 2006. С. 199–218.

он рассказывает, что ночами он спал так же хорошо, «как на кроватях богатых польских аристократов»³⁸. Внимательное прочтение его записок позволяет утверждать, что речь здесь вовсе не идет о какой-либо иронии.

Участники же Русской кампании регулярно упоминали особняки русского дворянства, поразившие их своими богатствами. Мебель, произведения искусства, библиотеки и винные запасы московских аристократов особенно привлекали внимание военных Великой армии. Более или менее подробные описания домов русской и польской аристократии явно выходят за пределы примитивного интереса участников военного похода к условиям постоя. И если этот интерес более явно выражен в описаниях жилищ простого люда, все же и они несут отпечаток познавательного интереса французских военных к чужестранной действительности. Так, несмотря на тяжелые условия Русской кампании, некоторые военные Великой армии были способны увидеть и отметить незнакомую дотолем им красоту русских изб: «Красота деревень, их ровные линии, кружево деревянного декора»³⁹. А на другом конце Европы их сослуживцы описывали функциональные особенности жилищ бедных жителей португальских гор. «Мы там нашли много высушенных каштанов, лежавших на решетках, поддерживаемых потолочными балками. [...] Каминами в этой стране вовсе не пользуются»⁴⁰. Мы зажгли огонь в [самой] середине помешения и дым от него проходил через полую черепицу потолочных балок и способствовал сушке каштанов»⁴¹.

Кроме того, записки участников Русской кампании не только явно вписываются в традицию французского восприятия русской религиозной архитектуры, но и являются важным, не замеченным историками культуры этапом в его развитии⁴². Действительно, западноевропейские путешественники XVI–XVII вв., «за редким исключением, не сумели разглядеть красоту этого [религиозного православного] искусства. Все дело, без сомнения, в привязанности к эстетическим канонам; только в XIX веке проявится интерес [к этому искусству]»⁴³. Именно наблюдения военных Великой армии открывают эпоху этого интереса: французские военные описывают элементы внешнего и внутреннего убранства церквей, их колокольни и кресты, иконы и распятия. Регулярность заметок

³⁸ Giraud J.-B. Op. cit. P. 167.

³⁹ Tascher M. de. Op. cit. P. 311.

⁴⁰ Заметим, что записки участников Русского похода содержат совершенно идентичные замечания об отсутствии каминов в России.

⁴¹ Pereuse. Op. cit. P. 19.

⁴² См. углубленный анализ этого вопроса в нашей диссертации.

⁴³ Mervaud M. La Russie vue par les voyageurs français du XVIe et du XVIIe siècles // Mervaud M. Une infinie brutalité : l'image de la Russie dans la France des XVIe et XVIIe siècles. P., 1991. P. 65.

о наличии церквей в городах и селениях позволила нам также задаться вопросом о возможности других, помимо эстетического интереса, причин такого восприятия их французами. Действительно, если учесть тяжелые условия кампании и отсутствие церквей в деревнях, то кажется возможным предположить, что при виде колоколен у французов появлялась надежда на постой и отдых в крупном селении или городе⁴⁴. Другими словами, наличие или отсутствие силуэтов колоколен на горизонте имело возможно жизненно важное значение для военных Великой армии. Подтверждение справедливости нашей гипотезы находится в записках участников другой тяжелой наполеоновской кампании. «Отсюда прекрасно видно Сарагоссу и, судя по количеству колоколен и высоких зданий, можно заключить, что это большой и красивый город»⁴⁵.

д) *Войска противника и гражданское население*

Французы мало описывали армии стран, против которых они вели войны. Шодерло де Лакло воспользовался, однако, своим пребыванием в Тильзите летом 1807 г., чтобы посмотреть на русских и записать свои впечатления о них. Сначала он достаточно подробно описал гвардейцев императора Александра, их форму и поведение в присутствии высших чинов. Затем Шодерло не постеснялся «задержаться» перед окнами здания, где находился сам император, чтобы... его рассмотреть: «Это высокий и красивый мужчина, с интеллигентным лицом, блондин, крупный. Пока я его рассматривал, он читал какую-то бумагу, которую потом медленно разорвал. Его лицо выражало равнодушие. Затем он взял лорнет, чтобы в свою очередь рассмотреть меня»⁴⁶. Несколькими строчками ниже француз сообщает о впечатлении, которое произвел на него Великий князь Константин⁴⁷. Затем Шодерло отправляется понаблюдать за русским лагерем — сначала с противоположного берега Немана, а потом, вечером того же дня, переправившись через реку, пытается рассмотреть русские части поближе. Он описывает «дикий и варварский вид всем известных калмыков», отмечая, однако, что поскольку «пока не было сражения, в котором эти войска сразились бы с французами», «он не знает, столь же они смелы, как казаки»⁴⁸. Встретив одного офицера регулярных частей, он с удовольствием общается с ним по-французски.

⁴⁴ Мы благодарим преподавателя кафедры Отечественной истории XIX — начала XX веков Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова А.П. Шевырева, нашего учителя и научного руководителя, который подсказал нам возможность подобной трактовки изложенных фактов и наблюдений.

⁴⁵ *Saint-Simon H.-J.-V. de. Op. cit. P. 246.*

⁴⁶ *Choderlos de Laclos E. F. Op. cit. P. 121.*

⁴⁷ См. также описания Константина: *Tascher M. de. Op. cit. P. 52.*

⁴⁸ *Choderlos de Laclos E. F. Op. cit. P. 122–123.*

Заметим, в заключение этого параграфа, что, несмотря на трудности войны 1812 года, французы, в большинстве своем, отдавали должное военным качествам противника, отмечая, что, прежде чем отступить, русские сражаются решительно и упорно. Прусские и австрийские войска были намного более знакомыми противниками для французов, которые не брали на себя труд делать заметки по их поводу. Однако, с уважением отзываясь о местах собственной боевой славы, французы упоминали и таковых у своих противников: «Там можно видеть пирамиду, которая была возведена в память одного полковника австрийских гусар, убитого на этом месте в войну VIII и IX годов [1799–1800 гг.]»⁴⁹.

Важно, наконец, отметить, что образ гражданского населения, тяжело страдавшего от нескончаемых войн, также присутствует в записках наполеоновских воинов. Действительно, несмотря на весь их энтузиазм в стремлении к славе, обещанной им гениальным полководцем, французы видели горести мирного населения и признавали, что оно желает только мира. Размышления и заметки на эту тему присутствуют в большинстве изученных нами текстов, кроме записок о 1812 году, где их существенно меньше. Это является лишним доказательством того, что отсутствие мирного населения и совершенно непредсказуемое развитие событий поколебали ценностные ориентиры наполеоновских солдат и офицеров в России 1812 года.

Заключение

Это исследование дополнительно иллюстрирует тот факт, что наполеоновские походы превращали их участников в своего рода путешественников. Создание текстов, описывающих пребывание на той или иной территории, а также способность «осознать свое перемещение в пространстве, проявить наблюдательность во время трудных переходов и событий, быть способным ко встрече с Другим являются теми определяющими факторами, которые позволяют квалифицировать то или иное передвижение как путешествие»⁵⁰. Записки наполеоновских солдат и офицеров ярко свидетельствуют о том, что нестандартность их «путешествий» не помешала им проявлять наблюдательность настоящих путешественников: описания природных красот и специфики местных культур соседствуют и перемежаются в их записках с рассказами о планах пожаров и ужасах сражений.

В нашем исследовании был осуществлен сравнительный анализ французского восприятия врага в нескольких наполеоновских войнах и

⁴⁹ *Vial J.-L.-A.* Op. cit. P. 452.

⁵⁰ *Bourguinat N.* Présentation. Un temps de rupture dans l'histoire des pratiques du voyage // *Voyager en Europe de Humboldt à Stendhal.* P. 10.

кампаниях, в том числе и в войну 1812 года. Такой подход к комплексному изучению французских источников противостоит тенденции раздельного изучения «победных» войн Наполеона и его Русской кампании. Действительно, последняя изучается, в лучшем случае, в сравнении с войной в Испании. Эта тенденция порождена традицией исследования Наполеоновских войн с точки зрения развития их событий и, особенно, с точки зрения их результатов. Для расширения наших знаний о менталитете европейцев и, в частности, французов той эпохи представляется, однако, необходимым осуществлять сравнительное и одновременное изучение нескольких наполеоновских кампаний в их хронологической последовательности и историческом единстве. Другими словами, необходимо попытаться взглянуть на них глазами их современников, которые не могли знать ни результатов, ни последствий этих кампаний. Данная статья является первой попыткой движения в этом направлении.

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>